

РЕЦЕНЗИИ

Jorge Semprún, Dominique de Villepin, *L'homme européen*, Plon, Paris 2005, 240 p.

Важнейшим событием 2005 г. для Европейского союза было, несомненно, проведение референдума по вопросу принятия Евроконституции. Отклонение Конституционного договора сначала французским обществом, а потом – 3 дня спустя – также нидерландским, пошатнуло веру в дальнейшую успешную европейскую интеграцию. Евросоюз оказался в тупике. Возникший кризис стал явственно проявляться в представляемых оценках и высказываниях политиков, деятелей культуры или экспертов по европейским вопросам. Они резко контрастировали с прежней общей тональностью как научных, так и газетных публикаций, которые носили оптимистический и даже восторженный характер и относились к будущему нынешнего Союза двадцати пяти стран-членов. Вторая из этих двух позиций представлена в книге *L'homme européen* («Европеец») двух соавторов, знаменитых европейцев – французского премьер-министра Доминика де Вильпена и испанского писателя и философа Хорхе Семпруна.

Авторы уже во вступлении констатируют, что между ними имеется много различий: национальная принадлежность и жизненный опыт (Семпрун – это бывший заключенный концлагеря Бухенвальд, де Вильпен, будучи представителем аристократических кругов, свои молодые годы провел за рубежом – в Южной Америке, Соединенных Штатах и Италии), а также политические взгляды (француз считается преданным деятелем голлистского движения; испанец, в свою очередь, – это воинствующий социалист – в 50-е гг. боролся против режима Франко, работал, в частности, в структурах Коммунисти-

ческой партии Испании в эмиграции). Тем не менее, оба автора являются сходными между собой во многих отношениях. Итак, оба они живут во Франции, занимаются параллельно политикой (Семпрун в 1988-1991 годы занимал пост министра культуры в испанском правительстве) и литературой (де Вильпен опубликовал несколько томов стихотворений, очерки о проблемах современной французской культуры и обширную монографию о Наполеоне; Семпрун написал десятка полтора книг, а также сценарии к фильмам). Именно данное сходство составляет главный пафос книги *L'homme européen*: оба соавтора являются сторонниками интегрированной Европы, к тому же осуществляющей процесс интеграции в соответствии с французским видением вопроса, которое проявляется, в частности, в активном участии в пропагандировании концепции «Европы народов», постулата о применении принципа светскости или же требования развивать социальную сферу. Следовательно, книгу нельзя рассматривать как конфронтацию позиций сторонника и противника Конституционного договора, а скорее как попытку представить материализованный на бумаге диалог двух соавторов.

Следует обратить внимание на дату издания книги – апрель 2005 г., т. е. за два месяца до референдума по вопросу принятия Евроконституции во Франции. Этот факт издатель пытался использовать для того, чтобы завязать дискуссию на тему достоинств конституции с целью убедить неубежденных в том, что единственно правильное решение – это голосовать «за». И хотя такая установка серьезно ограничивает возможность объективной оценки текста Договора, безусловно положительным фактором следует признать здесь проведение анализа Конституционного договора в более широкой исторической перспективе. Однако такой подход подтверждает (наряду с оригинальностью) уязвимость процесса объединения Европы, наблюдаемого в течение более чем 50-ти последних лет.

Работа разделяется на три главы, в каждой из них Семпруну и де Вильпену ставится задача рассмотреть в отдельности одни и те же вопросы. Общим связывающим элементом публикации являются вступление и заключение, совместно написанные соавторами.

Вступление страдает, на наш взгляд, некоторой патетичностью и схематичностью. Прибегая к высокопарным фразам, воспевающим объединенную Европу, авторы пытаются объяснить, почему они решились написать данную книгу в

соавторстве. Они полагают, что диалог является ценнейшим источником познания, который может привести к правильным выводам. Во вступлении с восторгом говорится о грандиозных масштабах и исключительном характере данного оригинального европейского проекта, представляющего собой объединение «стран, приверженных европейским ценностям и питающих страсть к демократии».

Каждая из глав состоит из трех частей. В начале первой главы, получившей название «Европейский фундамент» (*Le socle européen*), рассматривается вопрос европейских корней. Де Вильпен интересно описывает древнейшие мифы, легенды и символы, связанные с прошлым Европы, толкует этимологию названий и возвращается к истории, проникнутой кровавыми конфликтами, которые переплетаются с возвышенными идеями примирения. Вместе с тем автор показывает роль Франции в истории европейского континента. Семпрун, в свою очередь, концентрирует свое внимание на описании явления, которое он сам называет европейским духом. Эта *figure spirituelle* является фундаментом для создания единого целого, в основе которого лежит концепт «объединенной Европы». Семпрун обращается к концепциям различных европейских философов, в частности, он упоминает проект наднациональной структуры (*une supranationalité européenne*), представленный Эдмундом Гуссерлем в 1935 г. Следующая часть первой главы посвящена заглавному герою - *l'homme européen*. Европейец, по де Вильпену, это путешественник, совершающий путешествие как во внешнем пространстве (он открывает новые миры), так и во внутреннем (поиски своего жизненного пути). Европейец признает такие ценности, как уважение к человеческому достоинству, закону (и в том числе - к праву на собственность) и демократии; он способен учиться на ошибках своего прошлого. С одной стороны, ему свойственна покорность, с другой - смелость («он никогда не предается безделью, всегда в поисках универсальных ценностей, смело и твердо ступает по пути вперед» - С. 40). Дальше Семпрун характеризует европейца как разумное существо, проявляющее врожденное любопытство к окружающему миру. И вновь автор обращается к теории Эдмунда Гуссерля, представляя своеобразие *genre unique* жителя Европы. В конце первой главы следуют размышления о границах Европы. Французский премьер-министр, сообразно со своим темпераментом, в рассуждениях не ограничивается анализом современного мира. Считая европейцев

изначально «экспансивными, подвижными, любознательными, с жадным интересом к миру вокруг» (С. 52), автор дает им право определить объем своего пространства, которое не ограничено лишь географическим положением, но выходит далеко за его рамки. Именно в этом смысле европейским является район Средиземного моря (в подтверждение такой трактовки автор приводит средневековое рассуждение *De Europa* папы Пия II), а также территория Иерусалима (!). Кроме того, как считал де Вильпен, современная Европа испытывает на своей территории три крупных потрясения: во-первых, размываются границы между двумя оппозиционными типами политического и идеологического порядков (причем этот процесс пока трудно считать завершенным); во-вторых, все шире распространяется глобализация; и в-третьих, наконец, расширяются границы Европейского союза. Французский соавтор оценивает эти изменения как начальный этап формирования миротворческой империи (*un empire de paix*), которая после долгих лет, переполненных войнами и насилием, наконец становится воплощением истинной воли европейцев. Автор считает Конституционный договор не только естественным историческим следствием, но и дальновидным проектом, раскрывающим широкую временную перспективу. Вместе с тем де Вильпен высказывает мнение, сходное с тем, которое провозглашает его предположительный соперник на президентских выборах 2007 г., председатель правоцентристской партии Никола Саркози: чем больше стран-членов будет иметь в своем составе Евросоюз, тем настойчивее будет проявляться потребность создать среди них группу стран-лидеров. Кроме того, де Вильпен замечает всемирную тенденцию к образованию территориальных макрорегионов (наступает «эпоха макросообществ» – *l'ère des grands ensembles*), которая наглядно прослеживается на территории Северной Америки (NAFTA) или Азии (ASEAN). Он уверен, что и у Европы другой альтернативы быть не может. По мнению Семпруна, вопрос границ является, однако, не столь дискуссионным, ибо границы в строгом смысле слова не играют настолько существенной роли, как общая воля к построению правового пространства. Семпрун, как очевидец страшнейших военных жестокостей, фундаментом Европы считает – после долгих лет войн и конфликтов – стремление к сохранению и укреплению мира. Он утверждает, что «единственной [европейской. – К. Д.] границей должна быть та, которая связана с обеспечением

человеческих и демократических прав» (С. 76). Отличительной чертой европейской ментальности является, по мнению Семпруна, исключительный «дух культуры» (*l'ère des grands ensembles*), который подвергается процессу глобализации, наряду со многими другими явлениями.

Во второй главе работы под заглавием «Новый кризис европейского сознания» (*La nouvelle crise de la conscience européenne*) рассматриваются три фундаментальных – в оценке авторов – недостатка Евросоюза: боязнь развернуть активную деятельность в мировых масштабах, нежелание укреплять сотрудничество, а также опасение по поводу расширения Союза. Авторы стараются доказать, что все упомянутые опасения иррациональны и необоснованны. Ведь роль глобального актора и расширение демократии – это моральный долг старого континента («Европа не может стать крепостью, оставленной в стороне и живущей в вечном страхе. Она не должна бояться, – объясняет де Вильпен, – так как другие страны надеются на ее помощь и поддержку»). Необходимо укреплять взаимодействие стран-членов, ибо дальнейшее нежелание разрешить противоречие, которое заключается в двойственности статуса Европейского союза как экономического гиганта и в то же время политического карлика, может в итоге ухудшить ее позицию в мире по отношению к подлинным властям имущим. Следующий парадокс Семпрун усматривает в том, что в связи с исчезновением в Европе внешнего врага (советской империи), а также внутреннего (революционного терроризма – РАФ, «Красные бригады», ЭТА), европейские государства потеряли политическую инициативу.

Вопрос расширения Европы (*les voies de l'élargissement*) де Вильпен определяет как «историю границ и мостов; границ, которые ломаются, и мостов, которые строятся и отстраиваются заново» (С. 125). В таком контексте переломное значение приобретает 1989 г. Почему не удалось тогда объединиться? Семпрун упрекает Европейский союз в том, что он пропустил случай войти в новое тысячелетие коренным образом обновленным, навсегда оставляя за спиной ужасы XX в. Однако критические замечания может вызвать у польского читателя подход Семпруна к самому факту падения коммунизма. Автор обходит молчанием «Солидарность», и такая позиция может показаться, по крайней мере, непонятной, ввиду того что в прошлом году отмечалась 25-я годовщина образования этого движения. Автор рассуждает по-другому, когда он описывает

второй, утраченный Союзом шанс на сближение с государствами из-за прежнего «железного занавеса». Именно такую возможность представили последние выборы на пост председателя Европейского парламента. Семпрун напрямую заявляет, что надо было избрать Бронислава Геремека, которого он сам очень высоко оценивает. Много внимания уделяют также авторы вопросу вступления в Евросоюз Украины и Турции. Особенно принятие второго государства вызывает много разногласий. Оба автора проявляют здесь полное единомыслие и считают, что последнее слово окажется за общественностью евросоюзных стран.

Заключительная глава работы под заглавием «Перестройка будущего» целиком посвящается Конституционному договору. Как показало время, данная глава имела своей целью опровергнуть все сомнения, которые выражались противниками договора в связи с французским референдумом. Место религии в государственном порядке, забота о культуре, развитие системы социального обеспечения, единая иммиграционная политика – это лишь некоторые из вопросов, рассматриваемых авторами. Они придерживаются мнения, что Евроконституция воплощает идею интеграции, основанной на общем принципе (*une regle commune*). В итоге, как они объясняют, принятие Договора повлечет за собой улучшение функционирования евросоюзных организаций и упрощение процедур, при этом Союз приблизится к гражданам. Семпрун подчеркивает, что Договор должен восприниматься как «возвращение к единственному источнику легитимизации – к гражданам». «Конструктора Евроконституции, – как пишет де Вильпен, – избрали путь политической Европы, которая противопоставляется Европе, сведенной к зоне свободной торговли и пространству благосостояния». Однако, как открыто признается французский премьер-министр, окончательный результат принятия Договора зависит, главным образом, от воли государств применять его и проводить в жизнь предусмотренные в нем нормы. Следовательно, такая поддержка Договора может восприниматься как более приемлемая, чем ожидалось. Прочитав эту часть работы, можно констатировать, что в окончательном результате ни одно из зловещих предсказаний, высказанных авторами книги, не сбылось. Франция так и не оказалась в изоляции на международной арене, а Европа не переживает полного застоя и не погибает (*coup d'arrêt mortel*, С. 231). С другой стороны, трудно сказать, на

каком этапе развития мы оказались бы сегодня, если бы французы и нидерландцы проголосовали в своем референдуме за принятие Договора. В заключение авторы отмечают, что Евродержава должна идти в паре с Еврорынком. И если Еврорынок отлично справляется со своими заданиями, то Евродержаву необходимо укрепить. Реализации этой цели может служить именно Евроконституция, благодаря которой, как предполагают де Вильпен и Семпрун, Европа сможет перестроиться на мышление глобальными категориями.

Книга *L'homme européen* разочарует, однако, многих читателей, прежде всего тех, кто стремится к новаторским и вдохновляющим решениям на тему объединенной Европы. Публикация имеет очень неровный характер, интересные замечания переплетаются здесь с банальными. Некоторые темы трактуются крайне поверхностно. Нередко утомляет излишняя ангажированность работы. Зато ее сильной стороной является, несомненно, авторский замысел двухголосного изложения и красивый язык, благодаря которому книга читается легко и приятно. Особого внимания заслуживает прием, который использовал Семпрун, очень умело вставляя в свое изложение мысли и теории европейских философов. В работе не учитывается, однако, точка зрения автора, происходящего из новой страны-члена расширенного Евросоюза, которая, несомненно, способствовала бы более углубленному анализу.

Настоящая рецензия является переводом текста из журнала «Polski Przegląd Dyplomatyczny», nr 1 (29), styczeń-luty 2006, s. 150-155.

Каролина Драг

Erik Oddvar Eriksen (ed.), *Making the European Polity. Reflexive integration in the EU*, Routledge Studies on Democratizing Europe, Routledge 2005, 298 s.

Процесс европейской интеграции с самого начала является предметом исследования и анализа, постоянно предпринимаются попытки понять и объяснить ее сущность. Поскольку каждая из этих попыток сосредотачивает свое внимание лишь на избранном отрезке чрезвычайно сложной действительности, поэтому все они, естественно, нуждаются в ряде дополне-

ний, дальнейшем детальном изучении и т. д. Давно уже Европейский союз перешагнул привычные рамки организации экономического профиля. На наших глазах формируется новый, связывающий многочисленные европейские страны порядок, создаваемый посредством реорганизации процессов принятия решений и трансформации властных структур.

Книжная серия *Studies on Democratizing Europe* знакомит нас с работами, посвященными, в общем и целом, проблемам формирования гражданского общества в Европе, т. е. сообщества, в котором порядок принятия решений – это нечто большее, чем межправительственный метод. Сборник *Making European Polity*, созданный, прежде всего, благодаря инициативе ученых из университета в Осло, а также из университетских центров Ливерпуля, Бремена, Ганновера и Стокгольма содержит материалы конференции *Democratic Governance and Institutional Dynamics in the EU* (осень 2003 г.). Однако данная работа не просто типичный сборник докладов, зачитанных участниками конференции. Кроме того, авторы включили в свои материалы результаты семинаров-практикумов, являющихся составной частью проекта *CIDEL (Citizenship and Democratic Legitimacy in the European Union)*, финансирувавшегося за счет средств 5-ой Рамочной программы.

Новый европейский порядок, получивший название *polity*, т. е. государственно-организованное общество, до сих пор находится на этапе формирования. Европа отказывается от модели сотрудничающих национальных государств и ищет действующие конституционные принципы, а также институционализированные решения, которые выходят за рамки способов управления государством, характерных для национального государства. Как следует понимать попытки выработать европейскую конституцию? Формируется ли на наших глазах европейское правительство и единый государственный организм, состоящий из европейских обществ? Или же мы наблюдаем процесс конституирования организации национального характера, в основе которой лежат принципы, установленные и санкционированные международным правом? Авторы единогласно констатируют, что новый, демократический порядок в Европе имеет постнациональный характер, вопрос же о том, какой должна быть доля «государственности» в европейской демократии, остается открытым.

Исследовательский метод, применяемый авторами, использует делиберативную теорию, согласно которой интеграция

может осуществляться благодаря разумному решению проблем и путем переговоров, относящихся к соблюдаемым принципам. При этом стоит отметить, что дискуссия и переговоры понимаются здесь скорее не как средство рационального решения проблем, которое нельзя также считать всего лишь механизмом, оказывающим благоприятное воздействие на процесс координации. Дебаты определяют демократический стандарт. Таким образом, делиберативная теория составляет альтернативу двум исследовательским подходам, которые часто применяются в специальной литературе: не-офункционализму, подчеркивающему значение эффекта перелива (*spillover*), а также межправительственному либерализму, предполагающему максимализацию прибыли.

Анализ Европейского союза показывает, однако, не только сегодняшнее положение вещей, он представляет собой также попытку найти ответ на вопрос о будущем ЕС, о господствующих тенденциях развития. Авторы рассматривают три возможных сценария развития, которые выходят за рамки сообщества, действующего в условиях рыночной экономики: Евросоюз, использующий в своих интересах транснациональные властные структуры и основанный на правовой системе; ЕС – понимаемый как общность ценностей, построенная на европейской самоидентификации; ЕС как постнациональное объединение, как федерация, осуществляющая концепцию полного политического гражданства.

Основопологающей чертой европейской структуры *polity* является делиберативная демократия, в рамках которой ее участники вполне осознают свою идентичность и соблюдаемые принципы, а в самом процессе переговоров используется сила аргумента, а не аргумент силы.

Работа состоит из двух частей. В первой части подробному анализу подвергается сама идея делиберативной демократии и ее место в процессе европейской интеграции. В итоге представляется модель рефлексивной интеграции, основанной на публичных дебатах, а также дополнительно подкрепленной правовой системой (нормы и санкции) и правилом доверия. Для полного осуществления данного типа интеграции необходимо, однако, создать определенные условия, которые до сих пор еще являются лишь теоретической конструкцией. Ибо как на практике обеспечить фундаментальные права граждан одновременно с осуществлением коллективных целей в составе одного политического организма, в котором

законодательные и институциональные нормы выходят за рамки государственного порядка? Как один из возможных ответов можно предложить организацию публичных дебатов; здесь, однако, появляется риск, связанный с ангажированностью средств массовой информации. Для медиа интерес представляют пока скорее конфликты и кризисы, чем поиск консенсуса. Можно ли предполагать, что решения, являющиеся продуктом дебатов в таких условиях, окажутся достаточно легитимными? Отдельный вопрос представляет второй обязательный компонент делиберации: упоминавшееся выше осмысление своей идентичности и соблюдаемых принципов. Однако этот компонент находится в масштабе Европы в положении *in statu nascendi*.

Вторая часть работы посвящена анализу конкретных проблем, с которыми борется Европейский союз, а также изложению прогнозов основных тенденций в его развитии. Рассматриваются, в частности, такие темы, как процесс институциональных реформ, внешняя, налоговая и социальная политика, политика безопасности и расширения ЕС. Рассуждения о европейских политиках начинаются с темы европейской идентичности и с вопроса: возможна ли в принципе выработка единой системы постнациональной идентичности? Ответ на данный вопрос следует дальше, однако он имеет уклончивый характер типа «да, но...». Следовательно, европейская идентичность не должна восприниматься как наднациональная, вступающая в противоречие с параллельно существующей национальной идентичностью. Получается, что здесь речь идет не столько об идентичности, сколько о разных идентичностях, т. е. о плюралистической модели самоопределения обществ, в рамках которой европейское измерение вписывается в национальную самоидентификацию.

Из сегодняшней перспективы спорным является представленный в следующей главе пример успешного применения на практике модели рефлексивной интеграции при разработке Конвентом проекта договора о принятии Конституции. Хотя европейский конституционный процесс можно считать образцовым примером делиберативной демократии (и здесь ход рассуждения автора не вызывает никаких критических замечаний), но уже окончательный результат, т. е. сегодняшний кризис ЕС, заставляет задуматься над правильностью представленных рассуждений.

Если исследователи, рассматривающие европейскую идентичность, а затем и работу Конвента, допускают на основании сегодняшнего опыта возможность развития Европейского союза в сторону федеративной модели, основанной на полном гражданстве, то авторы следующих двух работ подчеркивают расстояние, которое отделяет сегодняшний ЕС от федеративного идеала. Здесь речь идет об общей внешней и фискальной политике и политике безопасности. Несмотря на то, что внешняя политика имеет по идее наднациональный характер, она, по-видимому, отнюдь не устремляется в сторону постнационального развития. Общая внешняя политика и политика безопасности направлена скорее на решение конкретных проблем, чем осуществление коллективных целей и принятие обязательств, выходящих за рамки индивидуальных интересов и предпочтений государств-членов. В отношении фискальной политики следует уже предварительно заметить, что компетенции в области налогообложения являются одним из основополагающих показателей функционирования государственного организма. В то же время Европейскому союзу предоставлена весьма ограниченная возможность проводить автономные действия в этой области. Кроме того, трудно ожидать в ближайшее время расширения компетенций в области налоговой политики Союза.

Интересные рассуждения представлены в части работы, посвященной результатам расширения Европейского союза за счет новых государств. Активно обсуждаемый в специальной литературе вопрос «Может ли расширение ЕС – и в какой степени – воспрепятствовать углублению интеграции?» получает в *Making the European Polity* превратную трактовку. Страны-кандидаты в ЕС обязаны приспособиться к изменениям во многих отношениях, к тому же вопрос соблюдения в этих странах человеческих прав, правовое управление или функционирование демократии подвергаются строгой оценке не только со стороны евросоюзных организаций (и, в первую очередь, Европейской комиссии), но и стран-членов. В то же время и Союз не соблюдает ценностей, возведенных самим собой в принцип, в результате чего довольно остро встает проблема применения двойных стандартов. Открытые и разумные дебаты, осуществляемые в институциональных рамках, требуют переориентации в ЕС – и, в первую очередь, проведения внутренней реформы. Получается парадоксально: расширение не только не осложняет процесс углубления

интеграции, а – наоборот – становится катализатором этого процесса.

Заключительные выводы формулируются авторами с долей осторожного оптимизма. Принимая во внимание все критические замечания и ограничения, связанные как с функционированием ЕС, так и с его восприятием, можно, однако, констатировать, что Европейский союз направляется в сторону квазигосударственной организации, способной к коллективным действиям и обладающей легитимацией своих граждан. И хотя отдельные области активности Евросоюза остаются по-прежнему в значительной степени дифференцированными, общие тенденции указывают на укрепление евросоюзных компетенций и приближение к выработке наднациональной, демократической законодательной системы.

Работа отличается также хорошо продуманной композицией. Авторы в большинстве своем оперируют одной и той же понятийной системой. Весьма последовательно соблюдается ход анализа отдельных вопросов, при этом все исследователи остаются в рамках принятого метода. Благодаря продуманной структуре сборника его отдельные главы сохраняют логическую связь с остальными: они либо являются естественным результатом предшествующей главы, либо дополняют и развивают то, о чем говорилось раньше. Работа не оправдывает, однако, всех ожиданий. Основными недостатками являются, в первую очередь, сложные языковые конструкции, применяемые как в процессе формулировки дефиниций, так и по ходу рассуждений, которые могут быть утомительными для читателя, недостаточно осведомленного в данной проблематике. С другой стороны, окончательные выводы авторов порой шокируют чрезмерными упрощениями. В заключение своего анализа авторы часто ставят открытый вопрос, который вместо того чтобы подчеркнуть сложность и нерешенность проблемы, скорее лишает ее интеллектуальной глубины и представляет мысль в обедненном и искаженном виде. Ведь и неискушенному в данной проблематике читателю понятно, что как Европейский союз, так и процесс интеграции представляют собой сложнейшие явления, которые с трудом поддаются однозначному определению.

Агата Колаковска

Yves Santamaria, *Le pacifisme, une passion française*, Armand Colin, Paris 2005, 349 s.

Теракт 11 сентября 2001 г. оказался событием, которое открыло и раскручивает спираль роста количества вооруженных конфликтов нового типа. Молниеносное перемещение и возникновение новых очагов терроризма всемирного характера, перерастающего к тому же традиционные границы суверенности государств, снизило эффективность прежних оборонных методов. Параллельно отмечаются радикальные изменения в политике вооружений не только таких государств, как Иран, но даже таких, как Германия и Япония, которые только теперь стали освобождаться от ограничений, навязанных им в большей степени наследием прошлого, чем другими обязательствами.

Все это вызвало необычайно энергичное возвращение на политическую арену пацифизма. Данный термин, используемый, подобно понятию прав человека, во всех возможных и не имеющих между собой ничего общего ситуациях, сделал головокружительную карьеру не только в среде уличных противников американской политики, но и с удвоенной силой вернулся в научные круги. Ибо уже на протяжении последних нескольких лет можно обнаружить растущий интерес к проблематике пацифизма, отражаемый, в частности, в увеличивающемся количестве публикаций и исследований, предпринимаемых как в Европе, так и в Соединенных Штатах. Следует, однако, подчеркнуть, что в этот раз пацифизм вышел за пределы философии и специализирующихся в нем журналов – таких, как издаваемый сорок лет в Лондоне „*Journal of Peace Research*”. И переломным для развития исследований пацифизма событием был именно нью-йоркский теракт.

Трудно сказать, был ли этот интерес вызван растущей популярностью термина в политической риторике или попал в научные круги непосредственно. Известно, что за интересом идут исследования, и в данный момент важен их характер и способ подхода к тематике. Чаще всего к явлению пацифизма подходили со стороны его оснований и причин существования, которые обычно находили в религии или философии. Лишь позже к исследованиям пацифизма приступили со стороны истории и социологии, более описательно, причем доминировали работы историков. Ныне можно заметить, что большинство работ, которые появились в последние годы, касались прошлого пацифизма и в общем ставили цель представления конкретных движений в конкретную эпоху с точки зрения историка или по крайней мере историка поли-

тической мысли. Такой характер имеют как работы, изданные в последние годы в Соединенных Штатах¹, так и во Франции². Вслед за ними появились статьи, представляющие подобную проблематику и подобный подход к явлению³.

Несомненно, это значительно обогащает знание движений, опирающихся на пацифизм, а опосредованным образом, вероятно, также помогает понять то, что происходит сейчас. Однако, несмотря на незаурядные достоинства и бесспорное углубление знаний о пацифизме, такие работы представляют лишь точку зрения историка и по этой причине могут использоваться лишь ограниченным и маргинальным образом. Ощущается нехватка исследований, которые делали бы возможным новый взгляд на пацифизм, на его роль в политической жизни и вооруженных конфликтах.

На этом фоне очень интересно выглядит книга «Французское увлечение пацифизмом»⁴, автором которой является французский историк и социолог Ив Сантамария, а его подход к теме отличается от упомянутых работ и господствующих в настоящее время тенденций. Кроме того, автор пишет о французском пацифизме, который возник на другой почве и развивался иначе, чем пацифизм в англосаксонских странах или в Польше.

Ив Сантамария – историк пацифизма или «борьбы за мир»?

Сантамария до сих пор не занимался историей пацифистских движений. Однако это не послужило препятствием

---

¹ В частности: R.J. Araujo, J.A. Lucal, *Papal Diplomacy and the Quest for Peace: The Vatican and International Organizations from the Early Years to the League of Nations*, Sapientia Press, 2005 (о папской дипломатии в 1870-1930 гг.); M.B. Weddle, *Walking in the Way of Peace: Quaker Pacifism in the Seventeenth Century*, New York: Oxford University Press, 2001; T.F. Curran, *Soldiers of Peace: Civil War Pacifism and the Postwar Radical Peace Movement*, New York: Fordham University Press, 2003; S.H. Benett, *Radical Pacifism, The War Resisters League and Gandhian Nonviolence in America, 1915-1963*, New York: Syracuse University Press, 2003.

² Например: M. Vansse, *Le pacifisme en Europe, des années 1920 aux années 1950*, Bruylant, 1994; Ch. Stawarz, *La paix à l'épreuve. La Chaux-de-Fonds 1880-1914. Une cité horlogère au coeur du pacifisme international*, Editions Gilles Attinger - SHAN, Hauterive 2002 (о пацифизме *chretien social*).

³ К примеру, такая: Ch. Snider Jo, *Patriots and pacifists: the rhetorical debate about peace, patriotism, and internationalism, 1914-1930*, Rhetoric and Public Affairs, Spring 2005, v. 8, No 1, p. 59-83.

⁴ Издательство Армана Колена - Armand Colin, Paris 2005, 349 s.

для написания книги, так как сделало возможным как раз наиболее ценное – новый подход к теме. Книга тем более ценна, что не ограничивается представлением прошлого движений, связанных с пацифистскими идеями, но, доведя повествование до последних лет, является попыткой внимательного анализа происхождения также современного пацифизма во Франции. Кроме того, несмотря на хронологическую композицию книги, автор не скрывает, что его гораздо более интересуют причины, а не подробный ход анализируемых действий. Уже во вступлении он замечает, что в истории Франции часто появлялись волны неоднократно охватывавшего массы населения пацифизма, который вызывал движения и создавал организации, опиравшиеся на миротворческие настроения и устремления или только использовавшие их. В своей работе он не отступает перед постановкой таких серьезных и трудных вопросов, как тот, который можно, наверное, считать главной мыслью его книги – является ли пацифизм целью самой по себе или лишь средством, служащим для достижения других целей под прикрытием последнего?

Сам автор, Ив Сантамария, доктор истории и философии, преподает в парижском Институте политических наук (*IEP*, популярно называемом *Sciences Po*) и в *L'Institut universitaire de formation des maotres des Pays de la Loire*. Польскому читателю он до сих пор был известен как редактор одной из глав «Черной книги коммунизма», – главы, посвященной «афрокоммунизмам» Эфиопии, Анголы и Мозамбика⁵. Его исследовательские интересы сосредоточены прежде всего вокруг истории Французской коммунистической партии⁶. Исследуя данную тематику, в 2002 г. он издал интересную книгу *L'enfant du malheur. Le Parti communiste français dans la Lutte pour la paix (1914-1947)* –

⁵ *Livre noir du communisme*, Yves Santamaria: *Afrocommunismes : Éthiopie, Angola, Mozambique*, Robert Laffont (Édition Bouquins), Paris 1998, s. 818-823.

⁶ Автор также написал *Histoire du Parti communiste français*, La Decouverte, 1996, и *Le Printemps des peuples a la Societe des Nations*, La Decouverte, 1999. С некоторых пор вторым полем исследовательского интереса автора становится история коммунизма в Африке и французские связи с государствами Африки. Кроме уже упомянутого участия в редактировании «Черной книги коммунизма», Сантамария написал, в частности, обширную статью под названием *Le PCF face a la guerre d'Éthiopie (1935-1936)*, опубликованную в *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, no 49-4-2002, а также участвовал в научной сессии *Les medias et la liberation en Europe 1945-2005* (INA, 13-15 апреля 2005 г.), где представил доклад под названием *C'est nous les Africains. La place des populations d'Afrique du Nord dans la Libération de la France, de 1945 a nos jours*.

«Дитя несчастья. Французская коммунистическая партия в борьбе за мир (1914-1947)», которая явилась расширенной версией кандидатской диссертации на ту же тему, хотя и более скромного хронологического масштаба, представленной в 1991 г.⁷ Проницательный анализ, опирающийся на массу источников, впоследствии стал отправной точкой для разработки других проблем⁸, в том числе затронутых в рассматриваемой здесь книге.

Франкоцентризм

Невозможно избавиться от ощущения того, что, вопреки видимости, автор совершенно не имел цели написания подробной истории движений во Франции, опирающихся на пацифизм. Это не история французского пацифизма. Представляется, что речь шла скорее об анализе некоего феномена, а не о предложении одних только фактов. Целью, вероятно, была некая рефлексия на основе фактов, проводимая хронологически, но изложенная произвольно, легко и стилем, более свойственным документированному эссе, чем работе историка. Возможно, здесь дало о себе знать двойное образование автора, который – напомним – является социологом и историком.

В такой интерпретации подхода к теме утверждает читателя, во-первых, продемонстрированное отсутствие интереса к отдельным пацифистским организациям и их программам. Например, мы немного находим здесь на тему конкретных постулатов и образа действий движения, образованного еще в XIX веке, – *La paix par le droit* (в вольном переводе «Мир по закону»). Многочисленные упоминания на тему этого движения в тексте появляются, но сама организация рассмотрена крайне периферически, несмотря на актуальность своей идеи.

Так же легко обнаружить, что автор исследует исключительно отечественный пацифизм, в почти совершенном отрыве его от международных пацифистских организаций, их деятельности и влияния на то, что происходило во Франции. Поэтому напрасны попытки поиска в книге каких бы то ни

---

⁷ S. Arslan, *Histoire, cultures et sociétés*, Paris, 2002, 315 s.

⁸ Например, проблем уже упомянутой обширной статьи под названием *Le PCF face à la guerre d'Éthiopie (1935-1936)* // „Revue d'histoire moderne et contemporaine”, no 49-4-2002/4.

было упоминаний на тему первых организаций, образованных различными протестантскими течениями в англосаксонских странах еще в начале XIX века.

Отношение к теме также видно по привлекаемым источникам. Использованы лишь франкоязычные работы, главным образом монографии или другие печатные источники. Из необычайно редких иноязычных библиографических позиций использованы, главным образом, наиболее известная книга специалиста по истории европейского пацифизма П. Брока (*Pacifism in Europe to 1914*) и немного работы Н. Инграма, непосредственно касающиеся пацифизма во Франции в период между двумя мировыми войнами⁹.

Если к этому добавить публикации Санди Э. Купер, Джеймса Джолла и одну работу французских авторов, изданную по-английски, то это будут все иноязычные работы, которые зафиксированы в четырнадцатистраничной библиографии. По сравнению с уже упомянутой книгой о борьбе за мир Французской коммунистической партии база источников скромнее и не такая глубокая. Это заставляет признать, что, к сожалению, франкоцентризм по-прежнему остается болезнью многих исследователей на Сене и Луаре.

Наконец, довольно специфическим является подход к хронологическим рамкам темы. Отсутствие типичной для «классических» историй пацифизма главы или хотя бы вступления о древних проявлениях антимилитаризма, иудеохристианских корнях пацифизма или концепциях справедливой войны

---

⁹ Этот канадский историк концентрирует свои исследовательские интересы на новейшей истории Франции и особенно французском пацифизме. В последние годы он написал такие работы: *Le Pacifisme de guerre: refus de l'Union sacrée et de la synthèse républicain?* // R. Cazals, E. Picard, D. Rolland, *La Grande Guerre: pratiques et expériences*, Toulouse: Editions Privat, 2005, pp. 77-86; *Repressed Memory Syndrome: Interwar French Pacifism and the Attempt to Recover France's Pacifist Past*, *French History* 18, 3 (September 2004), pp. 315-330; *Introduction* к специальному номеру *French History* под названием *Pacifism and the Peace Movement in France* // „French History”, 18, 3 (September 2004), pp. 253-55; *Nous allons vers les monastères': French Pacifism and the Crisis of the Second World War* // M.S. Alexander, K. Mouré, *Crisis and Renewal in Twentieth Century France*, Oxford: Berghahn Books, 2002, pp. 132-151.

св. Августина и Фомы Аквинского, воспринятых Гроцием¹⁰. Отправной точкой является начало Французской революции, но этот период лишь упоминается и трудно говорить о какой бы то ни было попытке анализа. Почти весь XIX век – вплоть до первого десятилетия существования III Республики – рассматривается очень поверхностно и занимает едва лишь одну главу, где чуть упоминаются первые пацифистские движения у консерваторов и либералов, а также первых социалистов.

Подобным образом подготовлена и последняя глава, охватывающая период, наступивший после падения берлинской стены и восточного блока. Анализ довольно беглый, что, однако, легко понять хотя бы с точки зрения дистанции, необходимой каждому историку.

Собственно развитие темы приходится, таким образом, на период 1880-1989 гг., то есть фактически более половины (1789-1880 и 1989-2004 гг.) рассматриваемого периода является только фоном остальной части работы.

Вышеизложенные замечания, однако, несколько не уменьшают ценность самой книги, которая содержит большое количество ценных наблюдений и поправок, а тем самым делает возможным извлечение необычайно интересных выводов. Целью данных замечаний является лишь указание на распределение автором центров тяжести и расстановку акцентов.

«Французское увлечение пацифизмом» не только сигнализирует о существовании многих разнообразных движений и организаций, но также описывает их деятельность. Учитывая столь обширную проблематику, целесообразно представить основные размышления и выводы, к которым приходит автор работы.

Традиции и источники французского пацифизма

В противоположность Польше, где пацифизм ассоциируется главным образом с периодом ПНР, когда он был одним из инструментов политической власти, французские пацифист-

---

¹⁰ Здесь также можно заметить, что автор посвящает религиозным корням, мотивам пацифизма и деятельности Церкви совсем немного внимания, из-за чего книга контрастирует как с высказываниями интеллектуалов (Ян Блох..., размноженное интервью с проф. Е. В. Борейшей, изъятое из «Газеты wyborчей»), так и другими публикациями о пацифизме (напр., W. Modzelewski, *Pacyfizm, wzory...*). Незамеченной также остается работа Пьера Крепона «Религия и война» (Paris: Ramsay, 1982).

ские движения не всегда имели политическое лицо. Более того, и здесь автор развенчивает еще один распространенный миф, они не были исключительной сферой деятельности левых, которые долгое время, в особенности *SFIO*, оставались в довольно двусмысленной позиции по отношению к пацифизму.

Итак, пацифизм вначале развивался в консервативных кругах, особенно характерен здесь период реставрации монархии и июльской монархии. Позже пацифистские лозунги перенимают сторонники экономического либерализма и христианские течения. Приведение имен таких либералов-пацифистов, как Гизо или Констан, или напоминание о пацифистских тенденциях в правых кругах в период, предшествовавший первой мировой войне, и в 30-е гг. XX в. являются фактами, редко встречающимися в эссе данного типа. Идеи пацифизма были близки также левым группировкам – как социалистическим (*SFIO*), так и коммунистическим, хотя внутри этих партий неоднократно бывали разногласия на этом фоне.

Гораздо менее привлекательное лицо этого движения французы увидели после первой мировой войны, а точнее после раскола в лагере французских левых. В то время ФКП, используя одну из тактик Коминтерна, начала применять лозунги пацифизма в политической борьбе. Такая ситуация продолжалась с небольшими перерывами вплоть до распада восточного блока. Остатки риторики этого периода встречаются и наши дни, когда движения крайних левых пытаются использовать те же лозунги в борьбе уже не за мир, а против Соединенных Штатов.

Однако автор не ограничивается лишь такими констатациями. Он приводит также ценное наблюдение сотрудничества между пацифистами разной масти, что чаще всего имело место перед лицом угрозы войны и скорее со стороны движений, не использовавших пацифизм в качестве политического орудия.

Множество французских пацифизмов

Невозможно касаться проблематики движений, главным лозунгом которых является борьба за мир, без предварительного определения самого термина «пацифизм». Существует

много дефиниций этого термина¹¹, но Сантамария пытается не использовать имеющиеся классификации, а охватить всякого рода антивоенные позиции. Данный выбор оказывается очень полезным, так как делает возможным проследить эволюцию самого понятия на протяжении рассматриваемого периода.

Тем не менее, автор привлекает существующие дефиниции и классификации, но ссылается прежде всего на «Словарь Французской академии» (пацифизм – доктрина тех, кто верит в установление мира во всем мире и проводит с этой целью работу) и классификацию Макса Шелера. Однако в работе отсутствуют сведения о других имеющихся и более современных классификациях (напр., Джина Шарпа), что является следствием исключительно франкоязычной источниковедческой базы, которую использовал автор.

В первоначальной форме пацифизм предполагает отказ от участия в какой бы то ни было войне¹². В этой форме он редко встречался во Франции. С XIX века наиболее развитой формой была деятельность во имя мира и согласия между государствами и народами, и таким образом понимался пацифизм. Для различения этой формы деятельности в период первой мировой войны был образован термин «интегральный пацифизм» (или абсолютный), который должен был возвращать к первоначальной дефиниции, не пользующейся особой популярностью во французских условиях. Это вытекало прежде всего из последствий поражения под Седаном в 1871 году и утраты Эльзаса и Лотарингии. Поэтому даже политические группировки, опирающиеся на идею пацифизма, не могли противостоять первой мировой войне, а повернулись в сторону «патриотизма».

В свою очередь, в годы, предшествовавшие второй мировой войне, господствовала ориентация, которую Сантамария определяет как «оборонный пацифизм» (*pacifisme defensif*), состоящий в подготовке армии, но лишь на случай нападения, а не в целях собственной агрессии. Наиболее известным примером такой ориентации была линия укреплений Мажино.

Наконец, в более поздний период пацифизм утратил поддержку и интерес к себе в правых политических кругах,

---

¹¹ Ср.: W. Modzelewski, *Pacyfizm, wzory i naśladowcy*, IS UW, Warszawa 2000, s. 35 и далее.

¹² *Ibidem.* s.22.

которые уже не имели – по крайней мере в собственных глазах – таких конкретных, как раньше, целей. Параллельно пацифизмом по-прежнему очаровывались французские левые и интеллектуалы – приверженцы левых взглядов. По этой причине доминировал вариант пацифизма, пропагандируемый ФКП. А в последние годы деятели, называющие себя борцами за мир, скорее пытаются выступить «против» определенной идеи или государства, чем высказываются «за» конкретные ценности.

Англосаксонские корни другого пацифизма

Специфика миротворческих движений во Франции легко заметна особенно в сравнении с англосаксонскими странами. В то время когда во Франции пацифизм в настоящее время несомненно, за редким исключением, связан с движениями светского характера и левыми политическими силами, корни пацифизма англосаксов непосредственно касаются религиозных движений и поэтому больше связаны с фундаментальным подходом к жизни, чем с избранной политической ориентацией. Кроме того, ныне размытые и мало заметные во Франции корни пацифизма религиозного и консервативного происхождения более явны в англосаксонских странах.

Многочисленные протестантские церкви издавна демонстрировали негибкую позицию протеста против войны в любой политической ситуации. Это прекрасно видно не только в работах Питера Брока, подчеркивающих пацифизм квакеров или меннонитов, но даже в его личной заинтересованности. В случае первых он происходит с 1660 г., ибо с этого времени квакеры «программно» признают пацифизм и отрицают всякого рода насилие. Подобное происхождение было у известных акций мирного сопротивления, которые имели место в случае освобождения Индии от британского владычества или борьбы за расовое равноправие в версии пастора Мартина Лютера Кинга в Соединенных Штатах. Имеет значение также и то, что обе эти формы возникли и были вскормлены на почве англосаксонской культуры и руководствовались скорее поисками общего блага, чем повиновением

государству, которое не занималось такими поисками¹³. В таких условиях совершенно неудивительно, что две старейшие американские пацифистские организации *Fellowship of Reconciliation* и *War Resister League*, возникшие в 1915 и 1923 гг., опираются на религию, а в своей деятельности непосредственно ссылаются на М. Ганди и М. Л. Кинга, веря, что можно победить войну и ликвидировать ее последствия средствами, не использующими насилие. Следует подчеркнуть, что именно на страницах изданий религиозных группировок призывы к пацифизму в последние пять лет появлялись особенно часто. Не только в протестантских церквях или у свидетелей Иеговы, но и у католиков – начиная с призывов пап и традиционных воззваний по случаю всемирного Дня мира и заканчивая конкретными предложениями введения в вузовское обучение лекций о пацифизме¹⁴.

Протест против войны во Вьетнаме был переломным моментом для американского пацифизма. В это время стали появляться пацифистские организации, а новые пацифисты восприняли лозунги, склоняющие к отказу от разработки атомного оружия. Гораздо более политизированные, чем движения первого поколения, они пережили период кризиса после распада восточного блока. Новые перемены принес день 11 сентября 2001 г. После нью-йоркского теракта возникла новая организация, пропагандирующая вначале лишь прекращение войны (*New Yorkers Say No To War*), а впоследствии пытающаяся сосредоточиться на борьбе за права женщин, что было логическим следствием феминистского происхождения части организации¹⁵.

---

¹³ В случае М. Л. Кинга влияние пацифизма и его источники не оставляют никаких сомнений. Если же говорить о М. Ганди, то еще в годы учебы в Великобритании он вращался в кругах, где большой популярностью пользовался американец Генри Д. Торо, автор «Гражданского неповиновения», изданного в середине XIX века в Соединенных Штатах. Брошюра как раз провозглашала, что основой поведения гражданина должны быть поиски общего блага, а появилась тогда, когда, автор, выступавший против войны Соединенных Штатов с Мексикой, отказывался платить налоги. См.: Paquot Th., *Desobeir, Le monde diplomatique*, janvier 2005, s. 32.

¹⁴ См.: McCarthy, *Not just a gourmet academic item* // „National Catholic Reporter”, 21.10.2005, p. 13a, 15a.

¹⁵ D. Burde, *Can Old Peace Movements Stand up to the New War ?*, Vacarme, January 2002.

Польша – страна без пацифистских традиций

Знакомство с «Французским увлечением пацифизмом» является интересным опытом для польского читателя, потому что показывает не только серьезные различия в подходе к пацифизму, существующие между Францией и Польшей, но также объясняет, откуда они берутся, как и некоторые поступки Франции по отношению к Польше. Невозможно, таким образом, обойти вниманием ситуацию в Польше, крайне отличную от позиции, представляемой другими упомянутыми уже здесь странами.

Трудно не признать, что в Польше по причинам сложившихся исторических условий пацифизм не пользовался популярностью, ибо не попал на почву, благоприятную для формирования такой позиции. Разделы I Республики во главу угла ставили восстановление независимости, и никто не сомневался, что это могло произойти исключительно вооруженным путем. В такой ситуации пацифизм клеймился как предательство, а немногие, кто подписывал воззвания подобного содержания, – такие, как, например, Хауке-Босак, отмечали, что мирное сосуществование будет возможно лишь тогда, когда станет возможна свобода личности и наций¹⁶. Характерна отчетливо отрицательная оценка более поздними поколениями охранительного поведения некоторых поляков (напр., В. Красиньски) в периоды национальных восстаний.

Поэтому также понятно, что разным было участие в первой мировой войне Франции и Польши, и прежде всего разным было ее восприятие в этих двух странах. Если дата окончания войны – 11 ноября – в польском календаре отмечена как день обретения независимости, то во французском она знаменует *Armistice*, то есть сложение оружия. Даже не «победу», как в англосаксонских странах, а скорее возврат к миру.

Большевистская война и вторая мировая война не были моментами, благоприятствующими развитию пацифистских тенденций, а те, которые возникли после 1945 г., были очень быстро аннексированы и упрятаны под крыло опекунского государства¹⁷. Ничего удивительного, что при отсутствии

---

¹⁶ Защита Яна Блоха..., размноженное интервью с проф. Е. В. Борейшей, изъятое из «Газеты wyborчей».

¹⁷ J. Ślusarczyk, *Ruch obrońców pokoju w latach 1948-1989*, ISP PAN, Warszawa 1996.

благоприятной ситуации в Польше нет отечественных мыслителей-пацифистов, за исключением самого выдающегося, известного, впрочем, более за пределами страны, чем у себя на родине, – Яна Блоха. Этот автор монументальной работы «Будущая война с технической, экономической и политической точек зрения» (1900) обращал внимание на полное изменение действительности – и тем самым характера войны – на закате XIX в. Его предвидения стали настолько актуальными после первой мировой войны, что он ныне признается историками «отцом современного пацифизма»¹⁸.

Польша, однако, не имеет такой ярко выраженной пацифистской традиции, как Франция. И это сказалось на развитии пацифистской мысли и ее исследовании в Польше. Отсутствие публикаций, посвященных истории пацифизма, – как польских, так и иноязычных, позволяет допустить, что в стране нет интереса к данной проблематике. Лучшим доказательством этому может служить хотя бы то, что изучением данной тематики в Польше занимались не поляки, а иностранцы. Наиболее известным примером является, вероятно, один из выдающихся исследователей пацифизма в современном мире Питер Брок¹⁹, который, будучи молодым историком из Оксфорда, приехал в послевоенную Польшу и защитил кандидатскую диссертацию в Ягеллонском университете. Он был вторым англоязычным ученым, ставшим на этот путь²⁰.

Немногочисленные работы, которые появились в последние годы, посвятили истории пацифизма в Польше Я. Слюсар-

---

¹⁸ Ср.: G.P. Bąbiak, *Wstęp* // J.G. Bloch, *Przyszła wojna ... (wybór)*, PISM, Warszawa, 2005, s.

¹⁹ Он написал, в частности, *The Polish "Movement to the People"*, 1961; *Slave and master in the congregation of God*, New York, The Pol. Inst. of Arts and Sciences, 1998; *The struggle for academic freedom at the University of Cracow in the early 1820's*, New York, 1964; *Antitrinitarians in the Grand Duchy of Lithuania against nonresistance, 1583*, Boulder, 1998; *Belarusan national identity as an aspect of conscientious objection in interwar Poland*, Boulder, Univ. of Colorado, 1995; *Conscientious objectors in the Polish Brethren Church, 1565-1605*, London: The Modern Humanities Research Assoc. for the School of Slavonic and East European Studies, 1992.

²⁰ *Polska strzała*, wywiad z Normanem Davisem // „Dziennik Łódzki”, nr 123, 27-28.05.2000.

чик²¹ и Э. Пончек²², сосредоточив свое внимание прежде всего на периоде между двумя мировыми войнами и второй мировой войне. Истории пацифизма после 1945 г. посвящена скромная публикация первого из авторов, рассматривающая лишь основные, наиболее известные политические манифестации движения во имя мира. Однако ощущается нехватка более глубокого анализа, в том числе проблемы использования лозунгов пацифизма в период ПНР и их восприятия в обществе. Поньше одной из самых обширных польских публикаций на эту тему является книга Войцеха Модзелевского «Пацифизм: образцы и последователи». Однако следует подчеркнуть, что ее автор подходит к теме с точки зрения социологии, и история движения представлена слишком схематически. Модзелевски концентрирует свое внимание скорее на формах выражения антивоенных чувств в Польше после 1945 г., а не на их политическом облике. К глубоко разработанным проблемам относятся протест против исполнения воинской службы, антимиитаризм на анархистской основе, а также деятельность и отношение к пацифизму свидетелей Иеговы.

Характерным, однако, является и то, что до сих пор не переведены на польский язык ни монументальная история пацифизма специалиста в этой области Питера Брока²³, ни другие его публикации, даже касающиеся Польши. И если можно понять причины отсутствия интереса к пацифизму в польской истории, то нынешнее безразличие к нему объяснить трудно.

Пацифизм – цель или средство борьбы за мир?

Наиболее ценным, по-видимому, достоинством книги И. Сантамарии является указание не столько на исключительность французского пацифизма, сколько на механизмы, приводившие его в движение. Заботу об общественных движениях, выступающих за мир, поньше берут на себя во Франции политические группировки, что заставляет задуматься

---

²¹ J. Ślusarczyk, *Idea pokoju w europejskiej i polskiej myśli politycznej do 1939 roku: kompendium*, Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 1995, с J. Ślusarczyk, *Ruch obrońców pokoju w latach 1948-1989*, ISP PAN, Warszawa 1996.

²² E. Ponczek, *Polska myśl o pokoju w latach drugiej wojny światowej*, Łódź: Wyd. Uniwersytetu Łódzkiego, 1999.

²³ Двухтомная история пацифизма появилась в Торонто в 1991 г. под названием *Freedom from violence*.

над тем, что же такое для них пацифизм – цель сама по себе или лишь средство достижения других целей? Данная проблема уже затрагивалась на страницах франкоязычной прессы хотя бы в случае вольной интерпретации слов Иоанна Павла II²⁴ или простого подчеркивания более антиамериканского, чем пацифистского, характера французских выступлений против войны в Ираке²⁵.

Автор справедливо замечает, что движения, вырастающие из антимилиитаризма или пацифизма, не всегда соответствуют существующим вызовам. Не каждая война вызывает протест, поэтому Сантамария, представляя проблематику своего эссе, смело ставит вопрос: почему следует умирать за Страсбург или Приштину, а не за Грозный или Фаллуджу?

Первым интересным выводом является то, что антивоенные чувства населения всегда берет на вооружение государство или другие организации. Такие ситуации чаще всего складываются в периоды долговременной войны, истребляющей население и требующей от него большой дани в форме мобилизации. Так было в период наполеоновских войн или в 1917 г. после наступления генерала Нивелля. В то время спонтанно возникало чувство протеста, умело используемое некоторыми политиками: в первом случае восстанавливающими монархию консерваторами, а во втором множеством различных движений и организаций, в том числе Социнтерном. «Если мы не будем действовать, то это произойдет без нас», – якобы сказал К. Гюисман, секретарь II Интернационала, по поводу растущего недовольства войной в 1917 г.²⁶

Другая возможность – объединение сторонников под знаменами пацифизма, умело используемого как способ пропаганды. Наиболее известным примером является деятельность ФКП, годами применяющей пресловутую формулировку «борьбы за мир», что делало возможным придание идеологического значения антивоенным демонстрациям, а также привлечение многих выдающихся фигур французских интеллектуалов, связанных с французским коммунистическим движением. К наиболее известным принадлежали П. Пикассо,

---

²⁴ Слова об опасности достижения мира любой ценой представлялись исключительно как призыв к прекращению войны. См.: Viatteau A., *L'alliance américano-polonaise en Irak // La Quinzaine européenne*, 17 novembre 2003, no 49, Strasbourg.

²⁵ R. Redeker, *Les neopacifistes en guerre ... contre la paix // „Le Monde”*, 26.03.2003.

²⁶ Y. Santamaria, *Le pacifisme ...*, s. 87.

автор голубка с оливковой ветвью в клюве, и Жан-Поль Сартр. Интересен пример вовлечения в деятельность ФКП Анри Барбюса, истинного противника войны и автора знаменитого романа «Огонь» (*Le Feu*), который стал Библией французских пацифистов еще до того, как ее автор сделался прилежным коммунистом.

Для автора пацифизм, подпитываемый французскими коммунистами, – в том числе в послевоенный период – был идеальным способом для согласования двух не всегда легких задач, которые стояли перед ними. С одной стороны, нужно было защищать политическую линию СССР, с другой – обрести поддержку французского общества, все время пытаюсь принимать во внимание его пацифистские настроения. Данный тезис Сантамария развил и документировал обширной и исчерпывающей источниковедческой базой в работе, посвященной «борьбе за мир» ФКП. Он доказывает в ней, что избрание французскими коммунистами пацифистской ориентации скорее было попыткой приспособиться к настроениям, господствовавшим во французском обществе, чем искренним выбором, основанным на убеждениях. Наконец, третьим способом – пожалуй, наиболее современным – формирования антивоенных движений является выступление не за определенную идею, определенную сторону существующего конфликта, а против нее. Данная схема должна была чаще всего использоваться в случае последних войн на Ближнем Востоке, на завершающей стадии войны в Афганистане и во время войны в Ираке. Поляризация и твердая позиция некоторых членов Совета безопасности и части стран-членов ЕС облегчили идентификацию и поддержку той или иной стороны. Как замечает Сантамария, совершенно иначе выглядело дело, когда во время войны в Персидском заливе поляризация и различие во мнениях не были столь серьезны, что значительно затруднило идентификацию «врага мира» и повлекло за собой полное отсутствие реакции французского общества. Имеет значение также тот факт, что многие из существующих ныне движений, опирающихся иногда на пацифизм, главной своей задачей считают борьбу с экономическим либерализмом и занимают позицию, определяемую как альтерглобалистская.

Выводы, вытекающие из такой ситуации, касаются в принципе положения во Франции, но можно их распространить и на другие страны, и тогда мы увидим пацифизм в другом

свете. Манипулирование этим благородным в принципе чувством должно повлиять на то, что до сих пор не менялось, – на образ действий. Если пацифизм должен играть какую-либо роль в будущем мире, ему остается только один путь – изменить образ действий и оторваться от влияния политических группировок.

«Французское увлечение пацифизмом» – очень полезное эссе, принимающее ценное участие в дискуссии о пацифизме, которая с некоторых пор ведется во Франции²⁷, но оно не является научной монографией, представляющей сложность проблемы пацифизма в современном мире, в которой именно эта работа показывает потребность – и не только на французском рынке.

Книга умело вызывает у читателя вопросы, касающиеся современного пацифизма – и не только французского, но и пацифизма вообще. Это, несомненно, движение, имеющее высокие и ценные для всего международного порядка цели, а широкие основания, на которых оно зиждется, создает большие возможности для объединения людей с множеством разных и даже противоположных взглядов. Проблемой все же остается способ использования такого потенциала. Очевидность того, что время эффективности исключительно национального пацифизма прошло, склоняет к развитию международного сотрудничества. Однако шансы на то, что оно удастся, невелики, если пацифистские лозунги подхватят политики, ибо в таком случае пацифизм станет лишь средством достижения некоей вовсе не присущей ему цели. Тогда он обречен на провал: ему будет трудно оправдаться в своей интегральной форме. Известно также, что ныне он требует действий сверху, так как действия снизу могут лишь обратить внимание политиков на определенную проблему, они являются лишь взрывами протеста и неспособны решить ничего конкретно, да и, скажем прямо, не такова их роль.

Павел Либера

---

²⁷ См., напр., N. Tavaglione, *Le pacifisme subtil* // „Raisons politiques”, no. 19, 2005/3, – статья, рассматривающая проблему личной ответственности солдата, принимающего участие в т. н. справедливой войне.